

**ИСТОРИЯ И ТАКТИКА
КАВАЛЕРИИ.**

СОЧИНЕНИЕ

ПОЛАНА.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО НА ФРАНЦУЗСКІЙ

БОННО ДЮ-МАРТРЕЙ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

—
1861.

Приложеніе къ «Военному Сборнику» на 1861 годъ.

Предлагая вниманію читателей переводъ весьма замѣчательнаго сочиненія капитана Нолана (*), Редакція считаетъ при этомъ своею обязанностію сказать нѣсколько словъ о причинахъ, побудившихъ ее дать мѣсто этому переводу на страницахъ своего журнала.

Блистательные подвиги кавалеріи, въ послѣднія великія войны Европы, неопредѣленность ея тактики, сложность организаціи и наконецъ ея содержаніе, которое всегда такъ дорого обходится правительству,—все это, вмѣстѣ взятое, могло бы, кажется, обратить на себя вниманіе не только специалистовъ, но и тѣхъ военныхъ писателей, которые, какъ будто бы забывъ всѣ прежнія заслуги кавалеріи, начали исключительно трудиться надъ улучшеніями пѣхоты и артиллеріи.

Хотя послѣднія событія и указали правительствамъ на тѣ важныя реформы въ кавалеріи, съ которыми, безъ сомнѣнія, тѣсно связано и будущее значеніе этого войска, но весьма немногіе отозвались на нихъ, и, изъ этихъ немногихъ, только одинъ Ноланъ, при содѣйствіи Джемса Фергюссона и Макъ-Фарлана, рѣшился посвятить свои знанія и свою опытность на указанія пользы тѣхъ преобразованій, потребность въ которыхъ давно уже чувствовалась.

Нужно сознаться, что военная литература, столь богатая во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, такъ бѣдна самостоятельными сочиненіями о кавалеріи. Хотя, конечно, и много есть уважительныхъ причинъ къ этому, но онѣ не могутъ оправдывать собою

(*) Капитанъ 13-го гусарскаго полка англійской королевской арміи.

почти всеобщаго равнодушія къ тому войску, которое, по словамъ автора, своими заслугами давно уже окупило всѣ издержки и заботы правительства о немъ.

Для насъ, Русскихъ, занимающихся, въ настоящее время, разнаго рода преобразованіями въ своихъ войскахъ, сочиненіе Нолана весьма интересно и потому, что оно не только знакомитъ насъ съ современнымъ состояніемъ кавалеріи въ другихъ государствахъ Европы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, указываетъ и на болѣе или менѣе удачное разрѣшеніе тѣхъ трудностей, которыя, къ сожалѣнію, неизбѣжны при всякой реформѣ въ организаціи войска. Авторъ, кромѣ того, не оставилъ безъ вниманія недавно поднятаго за границую вопроса о принятіи для кавалеріи одношереножнаго строя; а на страницахъ предлагаемаго сочиненія читатель найдетъ много новыхъ и много интересныхъ данныхъ, не пользовавшихся до сихъ поръ извѣстностію у насъ.

Если Англія и Франція такъ благосклонно встрѣтили появленіе въ свѣтъ сочиненія Нолана, то Редакція надѣется, что переводъ его, помѣщенный въ видѣ особаго приложенія къ «Военному Сборнику», найдетъ справедливое сочувствіе къ себѣ и между читателями нашего журнала.

Ред.

ИСТОРИЯ И ТАКТИКА КАВАЛЕРИИ.

I.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОРЪ. — ЗНАМЕНИТЫЯ КАВАЛЕРІЙСКІЯ БИТВЫ ДРЕВНИХЪ И НОВЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

На востокъ лошадь весьма рано достигла той соразмѣрности частей, той силы, той красоты своихъ формъ и, вообще, того развитія, которое, въ другихъ странахъ, могла получить она только по прошествіи цѣлыхъ вѣковъ. Много нужно было искусственныхъ средствъ, заботъ и тщательныхъ стараній употребить для этого. Кажется, что во всей Европѣ прежде существовала только одна малорослая порода (pone) или много что самая простая и обыкновенная кляча, тогда какъ въ Аравіи, Малой Азійи, Персіи и Мессопотаміи лошадь была животнымъ гордымъ, способнымъ къ войнѣ, и весьма часто употреблялась въ битвахъ.

Восточные народы были природными кавалеристами, и арміи ихъ составлялись почти изъ одной только кавалеріи (*).

(*) Весьма интересный вопросъ о происхожденіи кавалеріи до сихъ поръ не разрѣшенъ еще военными писателями. Полагаютъ, что Сколоты, одно изъ многочислѣннѣйшихъ скинскихъ поколѣній, были первыми усмирителями лошадей, и, судя по сказаніямъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, нужно думать, что искусство это впервые явилось между кочевыми обитателями степей средней Азійи, которая, вѣроятно, въ то же время, была и родиною красивыхъ лошадей востока. Отъ Скиновъ верховая ѣзда перешла къ народамъ западной Азійи и Египта, которые съ незапамятныхъ временъ употребляли, въ своихъ арміяхъ, военные колесницы. Почти у

Въ Европу лошади привозились Греками и ихъ сосѣдами изъ странъ Леванта черезъ Босфорскій и Геллеспонтскій проливы или же Егейскимъ моремъ, граничившимъ съ ихъ азіатскими колоніями. Порода эта распространялась потомъ во Фракіи, Фессалии, Македоніи и другихъ странахъ. Впослѣдствіи Аѳиняне и большая часть Грековъ пристрастились къ лошадямъ, конскимъ скачкамъ, и, болѣе, чѣмъ за 100 лѣтъ до Александра Великаго, греческіе скульпторы, хорошо знакомые съ прекрасными формами лошадей, съ необыкновеннымъ искусствомъ воспроизводили ихъ изъ эльгинскаго мрамора.

Но кажется, что, въ войнахъ этой эпохи, Греки не дѣлали еще большаго употребленія изъ своей кавалеріи (*).

Хотя первыя завоеванія Римлянъ были совершены одною только пѣхотою, но Титъ-Ливій, въ исторіи ихъ войнъ съ Самнитянами и другими народами, упоминаетъ также о кавалеріи и военныхъ колесницахъ; перевозимыхъ лошадьми вскачь. Думаютъ, однакожъ, что эти лошади были не многочисленны и малы ростомъ и что ихъ колесницы вначалѣ были тяжелы и такъ же неудобны, какъ и колесницы нашихъ предковъ Бретон-

всѣхъ обитателей древняго востока мы находимъ болѣе или менѣе значительное количество конницы: такъ, напримѣръ, въ громадныхъ арміяхъ Нина, Семпсамиды, Сезостриса, Креза и Кира, конница составляла отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{10}$ части всѣхъ вооруженныхъ силъ; Евреи же хотя и были народомъ воинственнымъ, въ этомъ отношеніи, представляютъ поразительное исключеніе. Они не только до временъ Соломона не имѣли кавалеріи, но моисеевымъ закономъ у нихъ даже воспрещалось коннозаводство. Знаменитый Куръ, основатель Персидской монархіи, составлялъ вначалѣ свои войска только изъ одной пѣхоты; но впослѣдствіи, когда его завоеванія породили собою необходимость имѣть войска, способныя къ быстрымъ передвиженіямъ, явилась и конница, сформированная изъ природныхъ Персовъ, которая, увеличиваясь отъ времени до времени, дошла наконецъ до 12,000 и считалась, въ свое время, лучшею конницею на всемъ востокѣ. Всадники защищались латами и кольчугами, а оружіе ихъ составляли копья, сабли, стрѣлы и сѣкеры.

(*) Греки, имѣвшіе слабость приписывать себѣ чести и славу первыхъ изобрѣтеній челоѳчества, утверждаютъ, что верховая ѣзда впервые появилась у Центавровъ и Лапитовъ, древнѣйшихъ обитателей Фессалии. На сколько справедливы подобныя сказанія, мы можемъ видѣть изъ того, что, въ эпоху Фивской и Троянскій войнъ, Греки употребляли только одні колесницы, а марафонская и еермопильская битвы происходили совершенно безъ кавалеріи. Достоѳвно извѣстно, что въ сраженіи при Платѣ (22 сентября 479 г. до Р. Х.), союзная армія Грековъ до того пострадала отъ превосходства силъ и искусства дѣйствій персидской кавалеріи, что ареопагъ немедленно послыжалъ: составить $\frac{1}{10}$ часть всѣхъ вооруженныхъ силъ изъ тяжелой кавалеріи; впослѣдствіи же, во время Пелопонезской войны (отъ 431—404 г. до Р. Х.), подобнымъ же образомъ была сформирована и легкая кавалерія.

Ред.

цевъ. Подобная кавалерія, конечно, никогда не могла выиграть сраженія или рѣшить участь побѣды (*).

Поэтому Греки и Римляне до тѣхъ поръ имѣли у себя мало кавалеріи, пока война не привела ихъ въ соприкосновеніе съ Азією и Африкою; только при Александрѣ Великомъ и въ эпоху пуническихъ войнъ они впервые заимствовали отъ своихъ сосѣдей правила употребленія этого войска.

Строй, принятый въ первыя времена, былъ, кажется, одинъ и тотъ же какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ. Они располагали свою кавалерію въ видѣ ромбовъ или клиньевъ, съ тою цѣлью, чтобы головной рядъ, поддерживаемый массою, расположенною позади его, врубался бы въ непріятеля, опрокидывая все препятствія. Подобный способъ атаки клиномъ былъ впоследствии принятъ Турками и другими народами, искусными въ верховой ѣздѣ (**).

Во время вторженія Александра Великаго въ Азію для завоеванія обширной Персидской имперіи, армія его состояла почти только изъ одной пѣхоты, раздѣленной на фаланги (***)

(*) Римляне всегда считали пѣхоту главною силою своихъ армій и вначалѣ вовсе не употребляли колесницъ. Хотя еще во времена Ромула было постановлено, чтобы каждая курія, на случай войны, выставляла сто человекъ конницы (*eques, trovalli*), но Римляне мало обращали вниманія на это войско, постоянно спѣшивали въ сраженіяхъ своихъ всадниковъ, или же перемѣшивали въ боевыхъ порядкахъ кавалерію вмѣстѣ съ пѣхотою. Конечно, при такомъ употребленіи, кавалерія никогда не могла принести пользы, и вскорѣ весьма удачныя дѣйствія нумидійской конницы, а также и жестокій урокъ, данный Аннибаломъ при Каннахъ (за 216 л. до Р. Х.), заставили Римлянъ не только измѣнить свою тактику, но и обратить особенное вниманіе на свою кавалерію. Тогда они взяли за образецъ тяжелую кавалерію Грековъ, начали тщательно обучать ихъ конной службѣ и строить ее отдѣльно отъ пѣхоты на флангахъ арміи; что же касается до легкой кавалеріи, то Римляне нанимали съ этою цѣлью Нумидійцевъ, Мавританцевъ и другихъ степныхъ народовъ. Впоследствии, во времена Цезаря, эти степные жители замѣнились выходцами изъ Галліи и Германіи. Ред.

(**) Авторъ, быть можетъ, дѣлаетъ много чести Туркамъ, предполагая, что клинообразный строй былъ у нихъ дѣломъ правильной тактики. Это скорѣй было непремѣннымъ слѣдствіемъ того, что обыкновенно происходитъ во всякой дисциплированной массѣ, гдѣ болѣе храбрые и болѣе искусные ѣздоки располагаются въ головѣ атаки и представляютъ, такимъ образомъ, часть болѣе или менѣе правильно сформированную. Прим. Бонно-дю-Мартрей.

(***) Мы имѣемъ весьма мало данныхъ подъ рукою, чтобы сообщить нашимъ читателямъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о кавалеріи нашихъ воинственныхъ предковъ. Дѣлая замѣчанія о конныхъ войскахъ обитателей древняго востока, мы сознаемся, что было бы грѣшно и непростительно съ нашей стороны обойти вниманіемъ не только труды первыхъ обитателей нашего отечества, но и заботы

Македонская фаланга навсегда останется славною въ лѣтописяхъ военной исторіи; кавалерія же ихъ не имѣла такого строя, который позволилъ бы ей раздѣлить эту славу.

По вторженіи въ Малую Азію, страну красивыхъ лошадей, заселенную греческими колоніями на пространствахъ отъ Гелеспонта до Граники и отъ этой послѣдней рѣки до сирійскихъ границъ, побѣдитель легко могъ увеличить свою кавалерію, и нѣтъ сомнѣнія, что, въ промежутокъ времени отъ вторженія Александра до первой битвы, этотъ родъ войска получилъ значительное развитіе, въ отношеніи численности и организациі.

Въ сраженіи при Граникѣ, Александръ перешелъ въ бродъ эту рѣку съ корпусомъ отъ 4,000—5,000 лошадей. Персы храбро сопротивлялись на противоположномъ берегу его переправѣ, но, послѣ упорнаго боя, были обращены въ бѣгство и единственно, какъ говорятъ, вслѣдствіе удачныхъ дѣйствій македонской кавалеріи. Однакожь, маневры ея, въ этомъ сраженіи, не были дѣломъ правильной тактики, и кавалерія, въ своихъ движеніяхъ, под-

нашихъ царей по части ратнаго дѣла. Противъ желанія мы должны ограничиться только краткими на этотъ предметъ указаніями.

Предки наши, подобно Римлянамъ, главною силою своего войска считали пѣхоту и содержали весьма мало кавалеріи. Причиною этому было не только свойство обитаемой ими страны, но и недостатокъ въ лошадяхъ, который постоянно чувствовался у всѣхъ славянскихъ народовъ; если же къ этому прибавить еще и то обстоятельство, что главнымъ занятіемъ Варяговъ, въ эту эпоху, были морскіе разбои и смѣлые набѣги по теченію рѣкъ во внутренность страны, то тогда вполне объяснится причина такого поздняго появленія конницы у насъ. И, дѣйствительно, до времени Святослава Игоревича, т. е. до 967 года, Русскіе не имѣли своей кавалеріи, а нанимали ее у Хорватовъ, Угровъ и Печенеговъ. Болгарскіе походы Святослава въ 969 году, походы св. Владиміра на камскихъ Болгаръ въ Тавриду показываютъ, какъ рѣшительны и удачны были дѣйствія нашихъ первыхъ дружинъ, въ которыхъ, безъ сомнѣнія, принимала участіе и наемная конница. Хотя въ нашихъ лѣтописяхъ и весьма мало упоминается о конныхъ войскахъ, но съ достовѣрностію можно сказать, что только во второй періодъ нашей исторіи (1015—1224 года) наемныя варяжскія дружины начали замѣняться туземными войсками, и только въ эту эпоху начинаютъ впервые записываться въ конную службу: бояре, боярскія дѣти и свита князей. Вооруженіе нашихъ всадниковъ, раздѣлявшееся на наступательное и оборонительное, состояло, обыкновенно: изъ латъ или доспѣховъ, шлемовъ, брони, мечей, киевъ, или палицъ, и сулицъ, или дротиковъ; оно возпало для облегченія на телегахъ, и только передъ началомъ боя ратники облекались въ свои воинскіе доспѣхи. Впослѣдствіи число конныхъ всадниковъ все болѣе и болѣе увеличивалось въ нашихъ арміяхъ, такъ что, въ монгольскомъ періодѣ нашей исторіи, конница начинаетъ уже составлять главную силу нашего войска.

Ред.

чинялась пѣхотѣ, которая атакывывала непріятеля одновременно съ нею (*).

Три года спустя, въ сраженіи при Гавгамеллѣ, Македонцы, успѣвшіе пріобрѣсть нѣкоторую опытность, были уже гораздо искуснѣе. Въ этомъ дѣлѣ кавалерія, состоящая изъ 7,000 людей, была раздѣлена на два корпуса, расположенные на флангахъ. Правый корпусъ, подѣ личнымъ начальствомъ Александра, маневрировалъ противъ лѣваго фланга Персовъ, составленнаго также изъ кавалеріи. Обѣ стороны пытались обойти другъ друга, и Персы, казалось, уже имѣли успѣхъ, по причинѣ перевѣса въ численности; но Александръ внезапно развернулъ свои глубокія колонны и опрокинулъ непріятельскій флангъ (**).

Персы, изъ желанія воспрепятствовать движенію Грековъ, опрометчиво растянули свою линію и разорвались; центръ ихъ образовалъ брешь, на которую стремительно кинулся Александръ и, разрѣзавъ ихъ надвое, разбилъ и обратилъ ихъ въ бѣгство. Когда онъ былъ занятъ преслѣдованіемъ ихъ, то Парменіонъ, командовавшій лѣвымъ крыломъ, прислалъ къ нему просить о помощи. Александръ тотчасъ же собралъ всю свою кавалерію съ цѣлью атаковать тылъ праваго крыла Персовъ, но, замѣтивъ, что Парменіонъ, подкрѣпленный фессалійскою кавалеріею, опрокинулъ наконецъ непріятеля, измѣнилъ свое намѣреніе и послѣдовалъ за Даріемъ. Переправившіе черезъ Ликъ, онъ далъ отдыхъ своимъ войскамъ до полуночи, потомъ снова двинулся въ путь и на другой день, послѣ преслѣдованія на пространствѣ 600 стадій (около 75 англійскихъ миль, или 30 метрическихъ лье), столь быстрого, какъ, вообще, должна быть быстра подобная операція, исполненная кавалеріею, онъ прибылъ къ Арбеламъ. Въ этомъ дѣлѣ, Персы были гораздо превосходнѣе своихъ непріятелей и хотя носили предохранительное воору-

(*) Въ этомъ дѣлѣ, македонская кавалерія явила себя вполне достойною славы такого великаго вождя, какимъ былъ Александръ. Когда персидскіе всадники начинали сильно тѣснить македонскую фалангу, то кавалерія, подѣ личнымъ начальствомъ самого Александра, стремительно кинулась въ тылъ непріятелю и, несмотря на отчаянное сопротивленіе, обратила его въ бѣгство. Результатомъ этой смѣлой и неожиданной атаки было то, что большая часть персидскихъ всадниковъ легла на мѣстѣ, 2,000 взяты были въ плѣнъ и обращены въ рабство.

(**) По свидѣльствамъ нѣкоторыхъ писателей, Персы, въ этой знаменитой битвѣ, рѣшившей судьбу Персидской монархіи и всего древняго востока, имѣли: до 400,000 пѣхоты, 40,000 конницы; другіе же утверждаютъ, что громадная армія Дарія-Кодмана простиралась даже до 1,000,000. *Ред.*

женіе, но не могли выдержать стремительнаго натиска Македонцевъ, наступавшихъ въ полномъ порядкѣ и съ необыкновенною быстротою.

Александръ вполне умѣлъ управлять своими кавалеристами, потому что, въ разгарѣ знаменитаго преслѣдованія, онъ могъ внезапно собрать всю свою кавалерію и явиться съ нею на помощь своему лѣвому крылу. Ихъ форсированный маршъ по пятамъ непріятеля, послѣ жестокой битвы, доказываетъ также, что они были способны и къ самымъ отчаяннымъ усиліямъ. Тѣмъ не менѣе, по смерти Александра, греческая кавалерія снова впала въ свое прежнее ничтожество.

Кавалерія Римлянъ стояла еще ниже греческой конницы; карфагенская же кавалерія, подъ начальствомъ Аннибала, въ послѣдствіи производила чудеса въ Италіи, въ предѣлахъ римской территоріи.

Въ первый разъ Карфагеняне встрѣтились съ Римлянами въ кавалерійскомъ дѣлѣ при Тессино (или Тичино, за 218 л. до Р. Х.). Римскіе пѣшіе стрѣлки скоро были опрокинуты. Спасаясь, они обратились въ бѣгство черезъ интервалы своихъ собственныхъ линій и, такимъ образомъ, перепугали всѣхъ лошадей. Нѣкоторые изъ римскихъ всадниковъ попадали при этомъ, другіе же спѣшились, чтобы драться (что они весьма часто дѣлали). Пока регулярная кавалерія завязывала бой, Аннибалъ послалъ Нумидянъ, составлявшихъ легкую кавалерію, обойти непріятельскіе фланги и атаковать ихъ тылъ. Маневръ этотъ даровалъ ему побѣду: Римляне были разбиты, а генералъ ихъ Корнелій-Сципіонъ былъ раненъ.

Въ сраженіи при Требіи, Римляне имѣли 36,000 пѣхоты и 4,000 лошадей; Карфагеняне же только 20,000 пѣхотинцевъ и 10,000 всадниковъ.

Какое различіе въ числительности наждаго рода войска въ обѣихъ арміяхъ!

Римская пѣхота сражалась такъ же храбро, какъ и всегда; но кавалерія ихъ обратилась въ бѣгство передъ непріятельскою конницею.

Римскіе легіоны хотя и были атакованы со всѣхъ сторонъ, но успѣли, однакожь, проложить себѣ дорогу черезъ ряды Карфагенянъ, и только 10,000 этихъ непобѣдимыхъ пѣхотинцевъ достигли Пiacенцы — остальные легли на полѣ битвы.

За 216 л. до Р. Х. карфагенская кавалерія одержала побѣду при Каннахъ. Римляне, въ этомъ дѣлѣ имѣли до 80,000 пѣхоты и 6,000 всадниковъ, а Аннибаль—около 40,000 пѣхоты и 10,000 кавалеріи. Правое крыло Римлянъ находилось подъ начальствомъ Офидія, и обѣ арміи имѣли свою кавалерію на флангахъ. Сначала Асдрубаль кинулся съ своею кавалеріею на римскую конницу и опрокинулъ ее въ рѣку: тогда сраженіе завязалось по всей линіи. Римская пѣхота, какъ и всегда, имѣла успѣхъ. Вправо отъ Аннибала нумидійскіе всадники встрѣтили самое упорное сопротивление со стороны непріятельской кавалеріи и не могли ослабить ее.

Асдрубаль, послѣ своихъ удачъ на лѣвой сторонѣ, внезапно появился на правой, опрокинулъ непріятельскую кавалерію и, пославши для ея преслѣдованія Нумидянъ, самъ кинулся на римскіе легіоны и, несмотря на безпримѣрное ихъ мужество, смялъ ихъ и произвелъ страшную рѣзню. Павелъ-Эмилиій и болѣе 40,000 Римлянъ были убиты, большая же часть оставшихся въ живыхъ сдались военно-плѣнными. Полибій доводитъ потерю Римлянъ до 70,000 и объясняетъ успѣхъ битвы тѣмъ, что Карфагеняне были гораздо сильнѣе ихъ въ кавалеріи; на этомъ основаніи онъ приходитъ къ тому заключенію, что лучше имѣть вдвое менѣе пѣхоты, но превосходить непріятеля въ кавалеріи, нежели въ каждомъ родѣ войска съ обѣихъ сторонъ имѣть равныя силы.

Обширная долина, называемая, въ настоящее время, «Апулеевымъ столомъ» (la Table d'Apulie), на которой происходила эта знаменитая битва, весьма благопріятствовала дѣйствіямъ кавалеріи. Необходимо замѣтить при этомъ, что Павелъ-Эмилиій старался убѣдить своего отважнаго и неопытнаго сослуживца въ невозможности, въ этомъ мѣстѣ, дать сраженіе. Послѣ своего пораженія, Варронъ бѣжалъ въ окрестности Венуза только съ 70,000 всадниковъ. Утверждаютъ, что при Каннахъ, гдѣ Аннибаль такъ хорошо воспользовался своею кавалеріею, онъ потерялъ всего 200 лошадей.

Вслѣдствіе рѣшительныхъ дѣйствій своей кавалеріи и благодаря своему необыкновенному умѣнью управлять ею, этотъ знаменитый полководецъ, будучи лишень всякой поддержки со стороны Карфагена, держался, однакожь, въ продолженіе шестнадцати лѣтъ въ Италіи.

Римскія войска, при своей слабости въ кавалеріи, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда одерживали верхъ надъ Карфагенянами, не могли извлечь изъ этого возможной пользы для себя; вслѣдствіе же того, что непріятельская кавалерія, въ продолженіе всей кампаніи, постоянно держалась около нихъ, Римляне съ большимъ трудомъ могли продовольствовать свои войска и заниматься фуражировкою. Примѣрная храбрость ихъ пѣхоты не могла оградить ихъ отъ потерь, и въ каждомъ дѣлѣ, даже и послѣ успѣха, существованіе ихъ находилось въ большой опасности.

Монтекукули говоритъ: главная цѣль арміи — дать сраженіе. Если дѣйствіе происходитъ на мѣстѣ ровномъ, то главная роль принадлежитъ тогда кавалеріи: съ потерею послѣдней проигрываются, обыкновенно, и сраженія; если же, напротивъ, кавалерія непобѣдима, то не только выигрывается сраженіе, но и самый успѣхъ будетъ полнымъ.

Такимъ же образомъ и маршалъ де-Саксъ совѣтуетъ укрѣпляться и выжидать того момента, когда ослабнетъ непріятельская кавалерія.

Фабій и Планкъ, которые не рѣшались на мѣстахъ ровныхъ держаться противъ кавалеріи Аннибала, занимали, обыкновенно, высоты и укрѣпленныя позиціи.

При подобныхъ же обстоятельствахъ и Густавъ-Адольфъ, въ продолженіе всей Тридцатилѣтней войны, не желалъ подвергаться опасностямъ въ равнинахъ Польши и до тѣхъ поръ оставался въ Пруссіи, пока не получилъ подкрѣпленій, состоящихъ изъ кавалеріи.

Недостатокъ въ кавалеріи остановилъ Цезаря и Александра посреди ихъ побѣдъ.

Хотя Римляне впоследствии и увеличили свою кавалерію на счетъ пѣхоты, но это совершилось уже въ эпоху ихъ упадка, когда дисциплина, воинскій духъ, патріотизмъ и всѣ вообще доблести, отличающія народъ, не существовали уже между ними. Если древній легіонъ потерялъ всякое свое значеніе, то чего же можно было ожидать отъ кавалериста?

Смотря по обстоятельствамъ, кавалерія пользовалась бѣльшимъ или мѣньшимъ почетомъ. Иногда (нѣкоторые изъ этихъ періодовъ продолжались довольно долго) кавалерія стояла значительно выше пѣхоты; въ другое же время на нее мало обращали вниманія. Прискорбна была эта крайность въ двухъ противополож-

ныхъ между собою мнѣніяхъ! Многія знаменитыя битвы были выигрываются только однимъ родомъ войска. Не наше дѣло разбирать заслуги, оказанныя пѣхотою и кавалерією; доказано уже, что всякая армія должна имѣть свою кавалерію, поэтому ограничимся стараніемъ сдѣлать ее столь же хорошею въ своемъ родѣ, какъ и пѣхота.

Исторія, указывая намъ на необходимость имѣть хорошую кавалерію, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываетъ, что этотъ родъ войска не всегда имѣлъ тотъ успѣхъ и то значеніе, которыхъ ожидали отъ него, и что никто не могъ противостоять кавалеріи, когда она была хорошо управляема и хорошо организована.

Въ 552 году, въ сраженіи при Капуѣ, Франки хотя и разбили римскую пѣхоту, но, вслѣдствіе недостатка въ кавалеріи, ихъ фланги были обойдены и атакованы страшною византійскою кавалерією, подъ предводительствомъ евнуха Нарсисса. Судя по сказаніямъ лѣтописца Агаѳія, изъ 30,000 арміи, только пять чловѣкъ спаслись отъ рѣзни, начавшейся при ихъ отступленіи.

Въ 732 году, въ знаменитомъ сраженіи при Пуатье, между Французами, подъ начальствомъ Карла-Мартела, и Сарацинами, подъ начальствомъ Абдеръ-Рахмана, кавалерія Франковъ, предводительствуемая Одо, герцогомъ Аквитанскимъ, разбила Мавровъ, проникла въ ихъ лагерь и произвела тамъ страшную рѣзню. Павелъ-Дьяконъ (Paulus - Diaconus) говоритъ, что Сарацины оставили на мѣстѣ до 375,000 труповъ; другіе же, напримѣръ Мезерей (Mézeray), принимаютъ силу Мавровъ во 100,000 и увѣряютъ, что почти всѣ, за исключеніемъ короля, пали къ ногамъ побѣдителей. Несмотря, однакожь, на эти сказанія, Сарацины оставили свой лагерь среди бѣлаго дня и послѣ битвы переправились черезъ Пиринеи, не будучи безпокоймы, при своемъ отступленіи.

Такъ какъ кавалерія не была послана для преслѣдованія ихъ, то мы должны заключить, что она была слишкомъ тяжела для того, чтобы имѣть возможность настигнуть гораздо болѣе подвижнаго непріятеля.

Въ 933 году, въ сраженіи при Мерзебургѣ, европейская кавалерія при Генрихѣ I получила новое устройство въ отношеніи тактики и организаціи (*). Благодаря своей дисциплинѣ и

(*) Генрихъ I, или Птицеловъ (Der Finkler), пользуясь девятилѣтнимъ переміремъ съ Венгерцами, обратилъ особенное свое вниманіе на устройство германскаго войска; между прочимъ, и конница получила также новую организацію. Преп-

густому строю, она одержала рѣшительную ообѣду надъ иррегулярною венгерскою кавалеріею, которая, въ эту эпоху, считалась весьма грозною.

Весь успѣхъ этого дѣла зависѣлъ отъ искусства, съ которыми Генрихъ располагалъ и организовалъ своихъ кавалеристовъ. Замѣчательно, что здѣсь въ первый разъ была употреблена легкая кавалерія. Вооруженная арбалетами, она отважно соперничала съ Венгерцами.

Мадыры, въ числѣ 300,000, оставили свой укрѣпленный лагерь у Школьцига и двинулись въ равнины къ сѣверо-востоку отъ Люцена на встрѣчу королю Генриху. Сраженіе долгое время оставалось нерѣшительнымъ, до тѣхъ поръ, пока Генрихъ, въ главѣ всей своей кавалеріи, спрятанной у Школьцига, не кинулся во флангъ имъ и не обратилъ ихъ въ бѣгство. Непрiятель былъ преслѣдуемъ безостановочно; ему не давали покоя, даже и за богемскими границами.

Исторія представляетъ намъ только два примѣра такъ удачно преобразованной и такъ хорошо управляемой кавалеріи: въ X столѣтіи, при Генрихѣ I, и въ XVIII столѣтіи, при Фридрихѣ Великомъ. Тотъ и другой, при восшествіи ихъ на престолъ, нашли кавалерію въ дурномъ положеніи и, въ первыхъ своихъ кампаніяхъ, скорѣе даже обременительною, чѣмъ полезною для себя; но, послѣ преобразованій, кавалерія вознаградила ихъ самыми блистательными побѣдами.

Король Оттонъ I умѣлъ извлечь много пользы изъ кавалеріи, преобразованной отцомъ его Генрихомъ. Въ августѣ 955 года, въ сраженіи при Аугсбургѣ, онъ раздѣлилъ ее на два корпуса, предназначивъ ихъ для взаимной защиты. Сначала Оттонъ направилъ

нія тяжелыя латы, препятствовавшія ей противодѣйствовать быстрымъ движеніямъ венгерскихъ всадниковъ, были значительно облегчены; а неповоротливый строй Германцевъ, въ видѣ глубокихъ колоннъ и клинцевъ, замѣнился длинными линіями. Онъ приучилъ также свою кавалерію дѣйствовать въ разсыпную, прикрываться щитами отъ непріятельскихъ стрѣлъ и, при удобномъ случаѣ, стремительно кидаться на него въ атаку. Вообще, при Генрихѣ I, всѣ войска были тщательно обучаемы движеніямъ и маневрамъ. Знаменитая побѣда подъ Мерзебургомъ ясно всѣмъ доказала, до какой степени могутъ быть важны результаты тѣхъ улучшеній въ военномъ искусствѣ, которыя составляли главную заботу воинственнаго императора. Венгры долго послѣ этого не рѣшались возобновлять своихъ смѣлыхъ набѣговъ на Германію. Хотя Генриху I и приписываютъ честь перваго изобрѣтенія разнаго рода военныхъ игръ, праздниковъ и забавъ; но едва ли это справедливо, потому что воинскія игры существовали еще прежде, а настоящимъ отечествомъ рыцарскихъ турнировъ была Франція.

Ред.

въ густомъ строю свою тяжело вооруженную кавалерію на одинъ пунктъ, дабы нанести непріятелю, въ этомъ мѣстѣ, рѣшительный ударъ, и когда эта цѣль была достигнута, то, для преслѣдованія бѣгущихъ, онъ пустилъ въ атаку свою легкую кавалерію; потомъ, собравши всѣхъ своихъ всадниковъ, онъ до тѣхъ поръ безостановочно тѣснилъ непріятеля, пока полная побѣда не увѣнчала его усилій. Въ продолженіе дня, побѣда нѣсколько разъ переходила то на одну, то на другую сторону, потому что Венгерцы, несмотря на то, что шеренги и ряды ихъ были разрываемы, находили еще средство (что, конечно, должна дѣлать и всякая легкая кавалерія) снова смыкаться, какъ будто инстинктивно одна и та же мысль воодушевляла каждаго въ частности.

Подобно привидѣніямъ, они ускользали отъ неповоротливыхъ Германцевъ и, не удаляясь, постоянно держались у нихъ въ тылу до тѣхъ поръ, пока эти послѣдніе не обращались въ бѣгство. Только необыкновенное искусство короля Оттона I позволило ему выиграть это сраженіе.

Перейдемъ теперь къ XIII столѣтію, когда татарскія орды наводнили Польшу. 9 апрѣля 1241 года, въ сраженіи при Лигницѣ, польскіе кавалеристы, всѣ тяжело снаряженные, а нѣкоторые изъ нихъ носившіе даже и предохранительное вооруженіе, были разбиты Татарами, имѣвшими болѣе легкихъ лошадей.

Арміи встрѣтились въ равнинахъ Вальштадта. Поляки, подъ начальствомъ принца Генриха Добраго и Мицлава, принца Верхне-Силезскаго, были раздѣлены на пять корпусовъ, часть которыхъ составляла резервъ; подобнымъ же образомъ расположился и непріятель. Правое крыло Поляковъ сначала атаковало и оттѣснило лѣвое крыло Татаръ; но эти послѣдніе, быстро соединившись, отбросили нападающихъ къ ихъ резервамъ, которые, въ свою очередь, двинулись въ атаку, смяли непріятеля и пустились его преслѣдовать. Но вдругъ, по сказанію польскихъ историковъ, соотечественники ихъ, какъ будто бы вслѣдствіе какого-то чуда, обратились въ бѣгство. Чудо это состояло единственно въ той быстротѣ, съ которою Татары соединились и внезапно снова кидались въ атаку на утомленныхъ непріятелей, не ожидавшихъ подобной хитрости. Маневръ этотъ, дѣйствительно, какъ чудо, долженъ былъ изумить неповоротливыхъ кавалеристовъ запада.

Тогда принцъ Генрихъ, съ свѣжими войсками, самъ пошелъ

въ атаку. Пета, начальникъ Татаръ, двинулся ему на встрѣчу, но, какъ и прежде, отступилъ, при первомъ же ударѣ, возобновляя повременамъ свои атаки. Когда же, вслѣдствіе этихъ атакъ, Генрихъ истощилъ уже всѣ свои усилія, Пета, съ послѣднимъ резервнымъ корпусомъ, бывшимъ у него подъ рукою, кинулся на христіанъ и прогналъ ихъ съ поля сраженія.

Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, Поляки преслѣдовали свой успѣхъ. Кидаясь по пятамъ непріятеля, который нарочно отступалъ, они вторично испытали на себѣ дѣйствіе чуда, и говорятъ, что, покрытые облаками пыли, они ничего не могли видѣть и не имѣли уже болѣе возможности защищаться.

Мы, равно какъ и Татары, понимаемъ это чудо. Когда наступалъ благоприятный моментъ для Татаръ, они дружно бросились на христіанъ, занятыхъ своимъ преслѣдованіемъ, и рѣзали ихъ безъ пощады.

Столкновеніе съ восточными народами имѣло, въ первыя времена, благотѣльное вліяніе на европейскую кавалерію: тактика, употребляемая татарскими ордами въ XIII столѣтіи, послужила основаніемъ нашей настоящей тактики (*). Улучшеніе породы лошадей произведено въ Англіи только въ послѣднее время; по крайней мѣрѣ, до царствованія Карла I, мы получали нашихъ лучшихъ строевыхъ и манежныхъ лошадей изъ континента, въ особенности же изъ Неаполя и Испаніи. Король нашъ Эдуардъ хотя и взялъ съ собою кавалерію въ Шотландію, но извѣстно

(*) Третій періодъ нашей исторіи (1224—1462 г.) есть періодъ непрерывныхъ сношеній съ Татарами. Въ эту эпоху, не только наша пѣхота, но въ особенности конница получили новое устройство. Отъ Татаръ Русскіе переняли ихъ образъ военныхъ дѣйствій, начали вооружать своихъ всадниковъ и, подобно Татарамъ, сражались уже не стоя на мѣстѣ, а на полномъ скаку, поражая при этомъ непріятеля копьями и стрѣлами. Главное отличіе нашихъ ополченій этого времени отъ прежнихъ заключалось въ томъ, что конница составляла главную ихъ силу; пѣхота же предназначалась для защиты городовъ, остроговъ и, вообще, употреблялась тамъ, гдѣ своимъ сомкнутымъ строемъ она должна была удерживать натискъ непріятеля. Къ концу этого періода можно отнести первое появленіе вольныхъ легко-конныхъ дружинъ, которыя носили названіе донскихъ или рязанскихъ казаковъ. Впрочемъ, нѣкоторые писатели полагаютъ, что эти дружины существовали гораздо ранѣе, подъ именемъ «бронниковъ», или «бровниковъ», подобно малороссійскимъ казакамъ. Такъ или иначе, но эти казаки прославили себя въ 1444 году, въ знаменитомъ походѣ московскаго ополченія противъ татарскаго султана Мустафы, и съ тѣхъ поръ имя ихъ навсегда осталось памятнымъ въ лѣтописяхъ нашей исторіи.

уже, какая участь постигла ее въ сраженіи при Баннокбурнѣ (*). Сраженія, происходившія во Франціи при нашихъ короляхъ Эдуардѣ и Генрихѣ, были преимущественно дѣлами только одной пѣхоты, и нашими успѣхами мы единственно обязаны нашимъ арбалетчикамъ. Хотя Французы иногда имѣли и много у себя кавалеріи, но она была дурно дисциплирована; когда же они могли располагать нѣсколькими хорошими эскадронами, то не умѣли извлечь изъ нихъ пользы. Хорошія лошади были рѣдки, и, кромѣ того, тогда не имѣли ни терпѣнія, ни необходимыхъ средствъ для образованія способныхъ къ войнѣ кавалеристовъ. Хотя рыцари и нѣкоторые всадники умѣли ѣздить верхомъ въ сѣдлахъ, но они скорѣе это дѣлали по привычкѣ; большая же часть (какъ это случалось и въ новѣйшихъ арміяхъ, когда наскоро производили рекрутскій наборъ), не будучи приучена къ лошадямъ, часто падала съ нихъ.

Чтобы выучить человѣка хорошо ѣздить верхомъ, нужно употребить втрое болѣе времени, чѣмъ для полнаго обученія пѣхотинца. Хотя кавалеристъ можетъ довольно хорошо знать верховую ѣзду, но ему многого еще недостаетъ для основательнаго изученія своей обязанности. Уже одна эта разница можетъ объяснить, почему такъ часто случалось, что кавалерія во многомъ уступала пѣхотѣ.

Въ Европѣ кавалерія приобрѣла свое значеніе въ ту эпоху, когда германскіе народы начали распространяться по матеріку Европы, когда почувствовалась необходимость имѣть большія конныя массы и арміи для противодѣйствія набѣгамъ.

(*) Баннокбурнѣ — древній городъ въ Шотландіи, близъ замка Стирлинга, въ окрестностяхъ котораго происходила эта знаменитая битва за независимость Шотландіи. Войска Шотландцевъ, не превосходившія 30,000, были управляемы такими знаменитыми героями этой эпохи, какъ, напримѣръ, Робертъ и Эдуардъ Брюссъ и Яковъ Дугласъ. Утромъ 24 іюля 1314 года, завязался общій бой. Шотландская конница кинулась на англійскихъ стрѣлковъ и, въ самое непродолжительное время, уничтожила ихъ. Тогда король Эдуардъ II самъ повелъ въ атаку свою кавалерію; но она, къ несчастію, наткнулась на волчьи ямы и была отбита съ величайшимъ урономъ. Несмотря на это, перевѣсъ все-таки былъ на сторонѣ Англичанъ и сраженіе, по всей вѣроятности, окончилось бы въ ихъ пользу, если бы только обозы и разнаго рода нестроевыхъ людей шотландской арміи они не приняли бы за новыя подкрѣпленія и не обратились бы вслѣдствіе этого въ бѣгство. Король Эдуардъ едва могъ спастись и заперся потомъ въ Дунбаръ; армія же его и вся отборная конница или легли на полѣ битвы, или же достались въ руки побѣдителей. Число убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ простиралось, въ этомъ дѣлѣ, до 15,000.

Впослѣдствіи европейскіе кавалеристы начали вооружаться всевозможнымъ образомъ; строились они въ одну шеренгу, и каждый всадникъ при этомъ выбиралъ себѣ противника для поединка. Тяжело вооруженные французскіе жандармы пріобрѣли себѣ большую извѣстность въ этомъ искусствѣ. Этимъ неповоротливымъ кавалеристамъ наслѣдовали рейтары и нѣмецкія наемныя войска, которыя ѣздили на лошадяхъ болѣе быстрыхъ и одѣвались гораздо легче ихъ. Будучи вооружены саблями и пистолетами, они во фландрской войнѣ постоянно побѣждали жандармовъ (*).

(*) Такъ какъ жандармы и рейтары, въ свое время, играли важную роль, то мы считаемъ не лишнимъ дать хотя краткое понятіе объ учрежденіи этихъ войскъ.

Слово «Gens d'armes», или «homme d'armes», означаетъ собою человека въ полномъ вооруженіи. Оно вошло въ употребленіе еще въ средніе вѣка, когда одни только рыцари, закованные съ ногъ до головы въ желѣзо, почитались настоящими воинами, а всѣ прочіе—ихъ помощниками. Французскіе короли Карль VII и Людовикъ XI, при учрежденіи первой регулярной конницы, или такъ называемой *compagnies d'ordonance*, присвоили названіе жандармовъ только тѣмъ воинамъ изъ высшаго сословія, которые носили полныя желѣзныя латы, имѣли при себѣ всѣ роды наступательнаго оружія и опредѣленное число конныхъ слугъ. Почти всѣ европейскіе государи послѣдовали примѣру Франціи, и слово жандармъ замѣнилось собою преждее названіе рыцарей. Въ срединѣ XVI ст., начали отдѣлять жандармовъ отъ принадлежавшихъ имъ легкихъ всадниковъ и формировать изъ нихъ отдѣльные полки и эскадроны: тогда жандармы замѣнились кирасирами, и названіе ихъ мало по малу начало выходить изъ употребленія. Въ настоящее время, многія государства содержатъ жандармовъ въ качествѣ полицейской милиціи. Это новое значеніе жандармовъ первый разъ явилось во Франціи, когда, декретомъ національнаго конвента отъ 16 января 1791 года, прежняя земская полиція (*maréchaussée*) была уничтожена, а на мѣсто ея сформированъ былъ жандармскій корпусъ, для наблюденія за порядкомъ въ арміяхъ и внутри государства. При войскахъ состояли также особые жандармскіе отряды, на обязанности которыхъ лежало отправленіе раненыхъ на перевозочныя пункты и доставка въ строй выбывшихъ изъ него. Такъ велика была польза этого корпуса, получившаго свою организацію сначала въ 1798 г., а потомъ въ 1801, что многія государства послѣдовали также примѣру Наполеона. Въ настоящее время, жандармы существуютъ почти во всѣхъ государствахъ, даже въ Греціи и Турціи. У насъ жандармы являютъ въ первый разъ при Екатеринѣ II, и именно въ 1792 г., когда Императоръ Павелъ I, будучи еще наслѣдникомъ престола, сформировалъ, въ своемъ гатчинскомъ отрядѣ небольшую команду кирасиръ, называвшуюся иногда кирасирскимъ, а иногда жандармскимъ полкомъ. До 1818 г. въ Россіи не было вовсе жандармъ; въ этомъ же году Борисоглѣбскій драгунскій полкъ былъ переименованъ въ жандармскій, а для гвардіи въ первый разъ былъ сформированъ л.-гв. жандармскій полускадронъ.

Рейтары, или наемныя конныя дружины, первый разъ явились въ европейскихъ войскахъ въ началѣ XV столѣтія. Въ тогдашнихъ арміяхъ, они играли такую же роль, какъ и ландскнехты въ пѣхотѣ. По мѣрѣ того, какъ уменьшалось число тяжелой кавалеріи и увеличивалось достоинство легкой конницы, рейтары начали составлять лучшую и главную часть тогдашней кавалеріи. Набирались рейтары такъ

Изобрѣтеніе пороха произвело большую реформу, и рыцари мало по малу начали оставлять свое прежнее вооруженіе, замѣняя его огнестрѣльнымъ оружіемъ. При французскомъ королѣ Генрихѣ II, кавалерія строилась еще въ видѣ прямоугольниковъ и въ десять шереногъ. Генрихъ IV ввелъ длинный фронтъ, а впослѣдствіи глубину строя уменьшилъ до шести шереногъ.

Въ XVI столѣтіи, пѣхотные отряды перемѣщивали, обыкновенно, съ кавалерією и принуждали эти оба рода войска примѣняться другъ къ другу и употребляли ихъ одновременно для атакъ на непріятеля.

же, какъ и ландскнехты, т. е. правительство выдавало нѣкоторымъ своимъ офицерамъ полномочіе для вербовки рейтарскихъ полковъ, которыми они предводительствовали въ качествѣ полковниковъ (Reiter, Oberste), подъ непосредственнымъ начальствомъ главнаго начальника всей кавалеріи. Подобно рыцарямъ, рейтары раздѣлялись сначала на латниковъ (Geharnische), оруженосцевъ (Кнаррен) и конныхъ слугъ (Кпесchte). Немного, впрочемъ, продолжалось такое устройство рейтарскихъ дружинъ: оруженосцы и конные слуги замѣнились конными стрѣльцами и пикнерами, а разомкнутый ихъ строй — сомкнутымъ, въ видѣ полныхъ четырехугольниковъ. Съ этого времени каждый рейтарскій полкъ раздѣлялся на два или четыре эскадрона и состоялъ изъ 800 человекъ. Вооруженіе рейтаръ состояло изъ желѣзнаго шлема, или шляпы, грудныхъ латъ, длинной шпаги, пары пистолетовъ и ружья или карабина. Тактика ихъ состояла въ томъ, что, приближаясь къ непріятелю, первая шеренга выскакивала впередъ, останавливалась, давала залпъ и, поворачиваясь направо и налево, убиралась за послѣднюю шеренгу; мѣсто ея заступала вторая, потомъ третья и т. д. шеренги. Если имъ удавалось такимъ образомъ разстроить непріятеля, то весь эскадронъ кидался на него въ атаку, и рукопашный бой довершалъ пораженіе противника. Въ случаѣ побѣды, фланкеры и легкіе отряды должны были преслѣдовать бѣгущихъ, а полки снова выстраивались въ боевой порядокъ. Рейтары, какъ и ландскнехты, готовы были каждому служить за деньги, и имя ихъ мы встрѣчаемъ въ описаніи рѣшительно всѣхъ войнъ, такъ долго волновавшихъ западную Европу, въ особенности же въ гугенотскихъ междоусобіяхъ и нидерландскихъ войнахъ. Послѣ Тридцатилѣтней войны, при учрежденіи во всей Европѣ постоянныхъ регулярныхъ войскъ, имя рейтаръ начинаетъ постепенно исчезать, и наконецъ свое мѣсто они навсегда уступили драгунамъ, коннымъ егерямъ и другимъ родамъ кавалеріи, вооруженнымъ ружьями и карабинами. Рейтарскіе полки въ Россіи составляли постоянное конное войско при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ и его пріемникахъ до Петра Великаго. Будучи сформированы передъ польскою войною, въ 1630, 1631 и 1632 годахъ, они составляли, въ то время, почетную кавалерію и набиралась, обыкновенно, изъ иностранцевъ. Рейтары раздѣлялись тогда на два класса: помѣстныхъ, имѣвшихъ свои помѣстья и вотчины, и кормовыхъ, которые жили въ различныхъ мѣстахъ государства и получали содержаніе отъ городовъ. Одежда и вооруженіе этихъ полковъ были тѣ же самыя, какъ и въ Германіи. Теперь мы ограничиваемся только краткимъ указаніемъ на учрежденіе у насъ въ Россіи первыхъ рейтарскихъ полковъ, потому что будемъ имѣть случай говорить о нихъ гораздо подробнѣе въ статьѣ о драгунахъ средней кавалеріи.

Ред.

Въ 1525 году, въ сраженіи при Павіи, маркизь Пескара въ первый разъ расположилъ полки мушкатеровъ въ интервалахъ императорской кавалеріи, какъ говорятъ, вслѣдствіе этого разбилъ Французовъ.

Впослѣдствіи способъ подобнаго употребленія пѣхоты вмѣстѣ съ кавалеріей распространялся все болѣе и болѣе, и на сколько чрезъ это пѣхотинецъ пріобрѣталъ выгоды для себя, на столько кавалеристъ, вслѣдствіе такого обыкновенія, стѣснявшаго свободу его дѣйствій, терялъ ее. Со введеніемъ пороха значительно увеличились и дистанціи, съ которыхъ, обыкновенно, начинались сраженія а такъ какъ кавалерія изъ своего огнестрѣльнаго оружія не могла извлечь для себя никакой пользы, то ее необходимо располагать за чертою непріятельскихъ выстрѣловъ; но тутъ она не могла уже быть полезною, потому что движенія ея были такъ медленны, что, пробѣжавъ пространство, отдѣляющее ее отъ противника, она теряла удобный моментъ для своей атаки.

Въ началѣ Тридцатилѣтней войны (1630 г.), Густавъ-Адольфъ измѣнилъ неповоротливый строй эскадроновъ и началъ располагать ихъ въ четыре шеренги, изъ которыхъ три первыя производили атаку, а четвертая служила имъ резервомъ. Облегчивъ воинскіе доспѣхи и уничтоживъ пики, онъ сдѣлалъ своихъ кавалеристовъ болѣе поворотливыми, болѣе подвижными и болѣе полезными. Кавалерію свою онъ располагалъ въ двѣ линіи и большею частію по флангамъ арміи.

Въ 1635 году, во Франціи, при Людовикѣ XIII, были уменьшены длина и глубина эскадроновъ; а въ 1766 году кавалерія строилась уже въ двѣ шеренги. Несмотря на это, эскадроны все-таки оставались неповоротливыми и не умѣли маневрировать, пока не была усовершенствована ихъ организація и обмундированіе ихъ не сдѣлалось болѣе удобнымъ.

Способъ поддерживать кавалерію мушкатерскими полками, расположенными въ ея интервалахъ, уничтожилъ ея стремительность и лишилъ ее тѣхъ выгодъ, которыя она могла извлечь изъ быстроты своихъ движеній.

При Карлѣ XII былъ измѣненъ и усовершенствованъ способъ сражаться на лошади. Его смѣлый и часто рыцарскій характеръ какъ нельзя болѣе соответствовалъ духу кавалеріи. Съ мечемъ въ рукѣ онъ пускалъ въ атаку своихъ кавалеристовъ противъ

всѣхъ родовъ войскъ и даже противъ укрѣпленныхъ позицій и водилъ ихъ по всевозможнымъ мѣстностямъ. Онъ не зналъ ни затрудненій, ни препятствій. Неутомимый въ преслѣдованіи, онъ до такой степени увлекся при отступленіи Саксонцевъ черезъ Силезію, подъ начальствомъ Шуленбурга, что, не разсѣдывая своихъ лошадей, гнался за ними въ продолженіе девяти дней, настигнувъ ихъ при Саницѣ, близъ Пауница, и только съ двумя кавалерійскими полками бросился на 10,000 Саксонцевъ, прорвалъ ихъ пѣхоту, которая легла въ избѣжаніе стремительнаго удара, смявшаго ее, разбилъ саксонскую кавалерію и обратилъ ее въ бѣгство, послѣ чего снова кинулся въ атаку на непріятельскую пѣхоту и артиллерію. Только одна ночь могла положить конецъ этому бою. Саксонцы не замедлили воспользоваться сумерками, чтобы въ порядкѣ перебраться на другую сторону границы. Вся ихъ артиллерія досталась Шведамъ, которые, какъ кажется, сдѣлали страшное употребленіе изъ своихъ длинныхъ и прямыхъ сабель, потому что всѣ Саксонцы, убитые во время преслѣдованія, были насквозь проколоты ими.

Много произошло перемѣнъ въ періодъ нашихъ великихъ гражданскихъ войнъ, не считая даже и тѣхъ, которыя имѣли характеръ чисто политическій. Въ эту эпоху, наша кавалерія начала, дѣйствительно, отличаться и достигла того значенія, что могла рѣшать участь сраженій.

Англійская кавалерія при Кромвелѣ и его знаменитомъ противникѣ принцѣ Робертѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Принимая дѣятельное участіе во всѣхъ сраженіяхъ этой эпохи, она пріобрѣла большую опытность.

Кромвелъ имѣлъ уже сорокъ-четыре года, когда въ первый разъ обнажилъ свой мечъ и въ самомъ началѣ показалъ себя мужественнымъ бойцомъ. Онъ самъ возвысился, устроилъ и пріучилъ къ порядку свою кавалерію, а личнымъ самоотверженіемъ подавалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ въ храбрости и неустрашимости. Его нравственная и физическая энергія, его вѣрный взглядъ, благоразумная рѣшительность и та внезапная стремительность, съ которою онъ мужественно кидался въ бой, сдѣлали изъ него кавалерійскаго генерала, безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ исторіи. Будучи дѣятельнымъ и неутомимымъ, ловкимъ наѣзникомъ и такимъ же бойцомъ, Кромвелъ имѣлъ безграничное вліяніе на своихъ сотоварищей и безъ особыхъ усилій застав-

лялъ ихъ преодолевать всѣ тѣ препятствія, какія можетъ только презиратьъ человеческая храбрость,

Дерзость и запальчивость принца Роберта были безсильны передъ холоднымъ и спокойнымъ умомъ Кромвеля. Этотъ послѣдній измѣнялъ иногда пораженіе въ побѣду; Робертъ, напротивъ, весьма часто лишался тѣхъ выгодъ, которыя могъ бы получить, дозволивъ своей кавалеріи предаваться весьма естественному безпорядку, послѣ ея перваго столкновения съ непріателемъ, и въ то время, какъ онъ горячился, болѣе благоразумный и болѣе находчивый противникъ выигрывалъ побѣду.

При Грантамѣ роялисты имѣли двадцать-одну роту кавалеріи и три или четыре роты драгунъ. Кромвель наступалъ противъ нихъ съ двѣнадцатью ротами (*).

Обѣ стороны построились въ боевой порядокъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла одна отъ другой, и драгуны стрѣляли, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе получаса. Тогда Кромвель, съ мечемъ въ рукѣ, кинулся въ атаку. Роялисты хотя и встрѣтили его безъ замѣшательства, но были смяты. Ихъ преслѣдовали на протяженіи нѣсколькихъ миль, и каждый человѣкъ при этомъ убилъ отъ двухъ до трехъ бѣглецовъ.

При Гайнсборугѣ, послѣ небольшой стычки съ непріятельскимъ авангардомъ, Кромвель занялъ гребень возвышенности и совершенно неожиданно не только очутился въ виду значительнаго корпуса кавалеріи роялистовъ, имѣвшихъ, кромѣ того, еще цѣлый полкъ въ резервѣ, но и въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи. Захваченный врасплохъ, Кромвель повелъ рѣшительное наступленіе противъ непріятельскаго корпуса, который также, въ свою очередь, спѣшилъ отрѣзать ему путь къ отступленію. Отчаянный рукопашный бой продолжался до тѣхъ поръ, пока *бритыя головы* (*Têtes rondes*) не кинулись на своихъ противниковъ и, обративъ ихъ въ бѣгство, преслѣдовали и рубили на протяженіи пяти или шести миль.

(*) Рота состояла изъ 60 человѣкъ, управляемыхъ: капитаномъ, поручикомъ, корнетомъ и вахмистромъ.

Англійское слово «*тоугр*» можно перевести французскимъ «*compagnie*»; но Guibert, въ своей тактикѣ, употребляетъ слово *troupe* для означенія тактической единицы въ пятьдесятъ лошадей, то есть почти въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ и авторъ. У Французовъ это послѣднее слово имѣетъ также свое техническое значеніе.

Несмотря на это, Кромвель, командовавший правым крыломъ, послалъ за майоромъ Уэллеемъ, который, съ своими тремя ротами, пустился уже преслѣдовать бѣглецовъ, и построилъ эти роты въ боевой порядокъ; когда же непріятельскій резервъ, подъ начальствомъ генерала Кавендиша, двинулся въ атаку на войска Линкольна и смялъ ихъ, то Кромвель внезапно появился въ тылу у него и своимъ мечемъ не только гналъ людей и лошадей, но и убилъ даже генерала Кавендиша.

Особенно прославился Кромвель въ знаменитомъ сраженіи при Марстонъ-Мурѣ, происходившемъ 2 іюля 1644 года. Въ этомъ дѣлѣ, онъ самымъ непріятнымъ образомъ далъ почувствовать принцу Роберту сталь своихъ кавалеровъ (*Côtes de fer*). Силы парламента, соединившись съ Шотландцами, осадили Юркъ. Принцъ Робертъ и маркизь Ньюкестль направились вмѣстѣ, дабы принудить непріятели снять осаду съ этого древняго и весьма важнаго, въ военномъ отношеніи, города. Объ арміи, состоявшія, приблизительно, изъ 50,000, прибыли на позиціи только къ пяти часамъ вечера и раздѣлялись между собою ручьемъ. Армія роялистовъ расположилась по направленію къ западу, а непріятельскія войска — по направленію къ востоку. Началась кровопролитная и ожесточенная борьба. Сначала ни одна изъ сторонъ не хотѣла безъ боя уступить тѣ выгоды, которыя представляли собою оврагъ и площадка оборонявшему ихъ; наконецъ лордъ Манчестеръ, съ лѣвымъ крыломъ арміи парламента и поддерживаемый при этомъ Кромвелемъ, который командовалъ всею кавалеріею этого крыла, двинулся въ атаку.

Атака эта удалась, несмотря на отчаянное сопротивление кавалеристовъ принца Роберта противъ кавалеріи Кромвеля, который, введя часть своихъ людей, бывшихъ въ резервѣ, внезапно атаковалъ роялистовъ, вовлеченныхъ уже въ бой, и разбилъ ихъ на голову.

Когда непріятельская пѣхота и кавалерія начали сильно преслѣдовать правое крыло роялистовъ и успѣли уже далеко отбросить его отъ лѣваго ихъ фланга, въ эту минуту лѣвое крыло королевской арміи двинулось въ атаку и до такой степени смяло правое крыло парламентскихъ войскъ, что разбитая ихъ кавалерія, обратившись въ бѣгство, произвела страшный безпорядокъ и распространила паническій страхъ въ шотландскихъ резервахъ, расположенныхъ въ тылу кавалеріи.

Лордъ Манчестеръ только въ то время узналъ о томъ, что происходило на правомъ флангѣ, когда войска сэра Томаса Ферфакса успѣли уже пробѣжать нѣсколько миль по дорогѣ въ Тадкастеръ. Тогда Кромвель снова выдвинулъ свою кавалерію, сдѣлалъ заѣздъ и послѣдовалъ за побѣдоносными роялистами по направленію къ этому городу. Эти послѣдніе хотя и выстроились, чтобы встрѣтить его, но были разбиты и, въ свою очередь, обратились въ бѣгство.

Такимъ образомъ, Кромвель, благодаря своей энергіи и храбрости, выигралъ сраженіе въ ту минуту, когда многіе изъ главныхъ его генераловъ считали это сраженіе проиграннымъ и удалились уже съ поля битвы. Сраженіе при Марстонъ-Мурѣ во многомъ сходствуетъ съ сраженіемъ при Цорндорфѣ: оба были начаты одинаково и оба были выиграны однимъ и тѣмъ же маневромъ, который употребилъ Аннибалъ при Каннахъ и Зейдлицъ при Цорндорфѣ. Эти великіе кавалерійскіе генералы имѣли сначала успѣхъ на своемъ лѣвомъ крылѣ, потомъ перешли на правое, чтобы тамъ возстановить сраженіе, и всѣ трое имѣли одинаковый успѣхъ, врубаясь въ непріятельскую пѣхоту, которая, во всѣхъ этихъ случаяхъ, мужественно отражала нападенія. Слава этихъ трехъ дней принадлежитъ кавалеріи, рѣшившей участь этихъ побѣдъ.

Замѣчательно, что, въ столь отдаленныя другъ отъ друга эпохи и даже при столь различныхъ обстоятельствахъ, одни и тѣ же результаты были получены почти одинаковымъ образомъ. Не доказываетъ ли это намъ, что необходимо прежде изучить прошедшее, чтобы быть вполне подготовленнымъ къ будущему?

14 іюня 1645 года, въ сраженіи при Назеби, правое крыло королевской арміи было подъ начальствомъ храбраго принца Роберта; лѣвымъ командовалъ сэръ Мармадюкъ-Лангдалъ, центромъ—Астлей, а резервами—самъ король. Въ парламентской арміи правую стороною командовалъ Кромвель, лѣвою—Иретонъ, а Ферфаксъ и Скиппонъ находились въ резервѣ. Принцъ Робертъ храбро атаковалъ лѣвое крыло «бритыхъ головъ» и, разбивъ ихъ, гналъ по улицамъ Назеби и далеко еще преслѣдовалъ ихъ за городомъ; Кромвель же, въ эту минуту, кинулся на кавалерію роялистовъ, находившуюся подъ начальствомъ Мармадюкъ-Лангдала, и разогналъ ее, между тѣмъ, какъ пѣхота роялистовъ атаковала и отбросила непріятельскую пѣхоту. Участь этого дня

зависѣла отъ того, кто первый введетъ въ дѣло свою кавалерію. Наконецъ явился Кромвель и, во главѣ своихъ «бритыхъ головъ», стремительно кинулся во флангъ пѣхоты короля и произвелъ въ ней страшный безпорядокъ. Дѣло было сдѣлано и участь побѣды была уже рѣшена. Принцъ Робертъ явился уже слишкомъ поздно, чтобы подать помощь. Король бѣжалъ, оставивъ въ рукахъ своихъ побѣдителей всю свою артиллерію и до 5,000 военнопленныхъ.

Въ этомъ сраженіи, своевременною атакою своей кавалеріи, Кромвель вторично измѣнилъ участь побѣды, между тѣмъ, какъ принцъ Робертъ, увлеченный необдуманною и запальчивою храбростію, навсегда потерялъ возможность возвратитъ своему королю и корону и королевство. Если бы, послѣ своего перваго успѣха, онъ немедленно атаковалъ пѣхоту «бритыхъ головъ», то, по всей вѣроятности, побѣда была бы на сторонѣ короля, ибо Ферфаксу и Скиппону нужно было бы много употребитъ усилій съ своей стороны, чтобы удержать своихъ солдатъ отъ бѣгства.

Большая часть офицеровъ, участвовавшихъ въ этой войнѣ, сражались подъ знаменами Густава-Адольфа и ходили въ атаку съ шведскою кавалеріею въ равнинахъ Германіи, въ особенности подъ Люценомъ, гдѣ погибъ этотъ герой.

Долгое время въ Европѣ лучшею кавалеріею считалась турецкая. Большая часть людей и лошадей доставлялись изъ Азіи. Лошади ихъ хотя и не были высоки ростомъ, рѣдко выше четырехънадцати палмъ (то есть одинъ метръ и сорокъ-три сантиметра), за то онѣ были ловки, смѣтливы, при этомъ послушны и такъ хорошо выѣзжены и взнузданы, что, въ этомъ отношеніи, Турки всегда считались мастерами своего дѣла. Хотя глубокія турецкія сѣдла и были тяжелы, но за то вся остальная обмундировка ихъ была легка. Кавалеристъ опирался на широкія и коротко подтянутыя стремяна, къ которымъ издавна уже привыкли и онъ и его предки. Положеніе кавалериста было твердое, натуральное, такъ что весьма трудно было выбить его изъ сѣдла. Широкая сабля его была легка и остра; кромѣ того, онъ носилъ это оружіе нѣсколько искривленное. Турецкій ятаганъ рѣзалъ какъ бритва. Нѣкоторые изъ спаговъ носили длинныя копья или пики; но въ бою они всегда оставляли ихъ, какъ ни къ чему не годныя. Тактика ихъ была проста и огра-

ничивалась только немногими правилами. Если острыми углами своего строя имъ не удавалось сначала проникнуть въ непріятельскій центръ, то они послѣдовательно возобновляли свои атаки; но если Турки достигали того, что разбивали какую нибудь часть непріятельскихъ линій, то вокругъ себя они распространяли смерть и ужасъ. Ихъ оружіе часто причиняло смертельныя раны или же разсѣкало члены. Когда непріятель оказывалъ сопротивленіе, то Турки растягивались наподобіе вѣера, и въ то время, какъ одни дѣйствовали съ фронта, другіе обходили его тылъ и фланги. Иногда, чтобы выиграть время, турецкіе спаги сажали позади себя на лошадей пѣхотинцевъ. Такимъ образомъ, въ началѣ сраженія при Рымникѣ, противъ Австрійцевъ и фельдмаршала Суворова, шести-тысячный корпусъ янычаръ появился на лошадяхъ позади такого же числа турецкихъ всадниковъ и былъ посланъ для занятія возвышенности, которая командовала окружающею мѣстностію и которую также хотѣли занять и Австрійцы.

Въ настоящее время, эта кавалерія, бывшая нѣкогда дѣйствительно блестящею, изъ страсти къ подражанію и вслѣдствіе дурно понятыхъ реформъ, находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Султанъ Махмудъ желалъ имѣть у себя конницу въ родѣ французской или вообще наподобіе христіанской, а потому и пригласилъ къ себѣ значительное количество французскихъ, итальянскихъ и германскихъ унтеръ-офицеровъ, дабы выучить своихъ солдатъ ѣздить на длинныхъ стременахъ и одѣваться по европейски. Несмотря на ропотъ и отчаяніе мусульманъ, ихъ одѣли въ узкіе мундиры и тѣсныя рейтузы. Система эта съ постоянствомъ, достойнымъ всякаго сожалѣнія, продолжалась, въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, при его сынѣ и наслѣдникѣ султанѣ Абдуль-Меджидѣ. Можно утвердительно сказать, что, въ настоящее время, турецкая кавалерія одна изъ самыхъ жалкихъ въ цѣломъ свѣтѣ. Людей, издавна пріученныхъ къ сидѣнію въ сѣдлѣ съ согнутыми ногами и къ держанію своихъ колѣнъ почти у живота, трудно выучить хорошо ѣздить верхомъ на длинныхъ стременахъ въ родѣ французскихъ: они часто падаютъ и уродуютъ себя. Турецкіе кавалеристы вооружены пиками и другаго оружія, кромѣ тупой и дурно выдѣланной сабли, не имѣютъ; лошади ихъ теперь не болѣе, какъ жалкія клячи. Хорошія породы лошадей исчезли, и тиранія султана, извѣст-

ная подъ именемъ реформы и цивилизаціи, въ теченіе пятидесятилѣтняго своего существованія, до того распространила свои опустошенія, что на семь пространствъ имперіи не осталось ни одного сановника, ни одного наслѣдственнаго богача или даже, просто, частнаго капиталиста, которые могли бы возстановить исчезнувшія породы лошадей или снабдить свою легкую кавалерію тѣми прекрасными лошадьми, которыя существовали еще въ началѣ текущаго столѣтія. Карасманы-Оглу, Пасваны-Оглу и всѣ эти знаменитые азіатскіе ленники, державшіе, вмѣстѣ съ предводителями румелійскихъ спаговъ, главные конскіе заводы въ имперіи, не существуютъ уже болѣе. При такомъ умѣньи ѣздить верхомъ, при такихъ лошадяхъ и при такомъ вооруженіи, какое они имѣютъ, вмѣсто того, чтобы, какъ и прежде, отважно спорить съ европейскою кавалеріею, — теперь едва ли двадцать солдатъ Абдуль-Меджида справятся съ однимъ англійскимъ гусаромъ, который, въ одну минуту, можетъ отдѣлаться отъ нихъ съ помощію простой палки. Къ этимъ результатамъ подражанія Европейцу присоедините дурной видъ народа (который не болѣе способенъ и къ пѣхотной службѣ), упадокъ, или; лучше сказать, замираніе религіознаго фанатизма и національнаго чувства, и тогда будетъ поонятно, какъ мало еще оттоманская армія подготовлена къ тому, чтобы встрѣтить нападеніе, съ какой бы стороны и въ какое бы время оно ни произошло (*).

(*) Въ эпоху, когда турецкіе спаги были страшны для германскихъ войскъ, эти послѣдніе были дурно организованы и также дурно дисциплированы: неудивительно поэтому, если они вначалѣ претерпѣвали пораженіе отъ этихъ отчаянныхъ и смѣлыхъ наѣзджиковъ, искусно владѣвшихъ саблею и наносившихъ смертельныя раны. Въ первое время, турецкіе всадники производили страшное нравственное впечатлѣніе на непріятеля своими криками, быстротою своихъ лошадей; своею храбростію и тѣми первыми успѣхами, которые единственно происходили отъ ихъ способа сражаться на лошади, тогда еще не извѣстнаго германскимъ народамъ. Когда же искусные и хладнокровные генералы нашли наконецъ средство сопротивляться неправильнымъ атакамъ мусульманъ и когда Европейцы нѣсколько разъ ихъ разбивали, то обаяніе это исчезло, и тактика ихъ, плохая въ своемъ основаніи, породила собою рядъ послѣдовательныхъ пораженій, испытанныхъ Турціею. Послѣдняя война, продолжавшаяся почти около года, безъ сомнѣнія, измѣнила мнѣніе капитана Нолана о сущности реформъ, предпринятыхъ Махмудомъ и продолжавшихся при его сынѣ. Верховая ѣзда Французовъ и Нѣмцевъ, быть можетъ, и не уступитъ турецкой или арабской верховой ѣздѣ, узкія одежды, конечно, не удобны, но что касается до европейской тактики и европейской дисциплины, то она значительно выше древней тактики турецкихъ спаговъ, если только ей можно дать подобное названіе, и, напротивъ, султановъ слѣдуетъ поздравить съ уничтоженіемъ этой безпорядочной рутины, которой они, къ несчастію, придерживались въ продол-

Русская и австрійская кавалерія много усовершенствовались въ своихъ войнахъ съ Турками; Австрійцы же, въ первыхъ сраженіяхъ Семилѣтней войны, противъ Пруссаконъ, дѣлали прекрасное употребленіе изъ тѣхъ практическихъ наставленій, которыя ими заимствованы отъ мусульманъ.

Эти турецкіе наѣзники безъ дисциплины, какъ вихрь, носились цѣлыми толпами или въ видѣ неправильныхъ колоннъ, все истребляли на своемъ пути и повсюду оставляли за собою смерть: такъ были дѣйствительны ихъ ятаганъ.

Ни артиллерійскій огонь, ни огонь пѣхоты, ни дисциплина, — ничто не могло остановить этихъ воинственныхъ фанатиковъ, и христіане могли защищаться только съ помощію рогатокъ, находившихся всегда при каждой колоннѣ, вмѣстѣ съ двумя повозками, которыя полагались на каждый баталіонъ.

Когда приближался непріятель, люди тотчасъ поднимали рогатки на свои плечи и выстраивали, такимъ образомъ, ярусную колонну; если же имъ угрожала атака, то они разворачивались въ линіи, ставили эти рогатки на землю и въ такомъ видѣ укрѣпляли ихъ.

Подобнымъ препятствіямъ Русскіе и обязаны своими первыми успѣхами въ ихъ войнахъ съ Турками въ 1711 году.

Когда фельдмаршалъ Минихъ, въ 1713 году, дѣйствовалъ противъ Турокъ, то онъ убѣдился, что эти рогатки, дѣйствительно, были хорошею защитою; кромѣ этого часть своей пѣхоты онъ вооружилъ еще пиками. Войска его двигались въ огромныхъ облическихъ каре и, по данному сигналу, прикрывались этими рогатками, а артиллерія ихъ фланкировала. Подъ покровительствомъ этого непроходимаго барьера, они съ увѣренностію выжидали своихъ противниковъ съ чалмами и встрѣчали ихъ смертоноснымъ огнемъ.

женіе болѣе, чѣмъ полувѣка. Настоящее вооруженіе турецкой кавалеріи, безъ сомнѣнія, не совершенно, но и въ этомъ отношеніи она нисколько не отставала отъ вооруженія другихъ кавалерій европейскихъ государствъ. Ятаганъ ихъ только послужилъ къ тому, чтобы отрѣзывать головы у мертвыхъ тѣлъ. Эти древніе кривые палаши, которые хороши были только для рубки во время поединковъ, въ настоящее время, ни къ чему не годны, при атакахъ кавалеристовъ, умѣющихъ хорошо колоть и саблю и пикою. Не слѣдуетъ забывать, что, въ ту эпоху, когда турецкіе спаги наводили ужасъ на всю христіанскую Европу, нѣмецкіе и русскіе солдаты гораздо хуже ѣздили верхомъ, чѣмъ теперь, и почти не умѣли владѣть своимъ оружіемъ. Въ то время, военное обученіе было въ большомъ пренебреженіи.

Прим. Бонно-дю-Мартрей.

Ни одна еще европейская кавалерія, съ своею тактикою, съ своими густыми эскадронами, кирассами и пиками, не наводила такого ужаса и не принуждала пѣхоту искать спасенія за подобными прикрытіями. Только одни мусульмане могли заставить на столько бояться себя, что добились отъ пѣхоты признанія въ своей слабости и принудили ее искать спасенія отъ ихъ атакъ. И, дѣйствительно, если случалось, что пѣхота не окружала себя подобными грозными укрѣпленіями, то рѣдко, чтобы Турки не разбивали ее, и тогда они безъ пощады поражали ихъ своимъ мечемъ, пока не удовлетворили своей ярости.

Точно также они поступали и съ европейскою кавалеріею, если только могли разстроить ее; но послѣдняя, для предохраненія себя, перестраивалась, обыкновенно, въ густыя массы съ орудіями и пѣхотою на флангахъ.

Если личная отвага и смѣлость въ поединкахъ, если искусство ѣздить верхомъ и острые мечи Турокъ дѣлали ихъ грозными въ той степени, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ исторія, то какъ бы была неодолима та кавалерія, которая ко всѣмъ этимъ достоинствамъ прибавила бы дисциплину и тотъ порядокъ, котораго недоставало имъ и отсутствіе котораго было впоследствии причиною всѣхъ бѣдствій Турціи.

Египетскіе мамелюки сохраняли свою высокую репутацію неустрашимыхъ наѣздниковъ до начала XIX столѣтія, когда они были уничтожены (*). Нельзя, однакожь сказать, чтобы они были

(*) Название мамелюковъ, происходящее отъ арабскаго слова, мамелюкъ, или рабъ, принадлежало въ Египтѣ особенному сословію, основаніе которому было положено, въ первой половинѣ XIII столѣтія, египетскимъ государемъ Малекъ-Салехомъ, изъ династіи Аюбидовъ. Въ эпоху опустошительныхъ войнъ Чингисъ-Хана, когда почти всѣ азіатскіе рынки были набиты разнаго рода невольниками, Малекъ-Салеху легко было купить нѣсколько тысячъ этихъ рабовъ и сформировать изъ нихъ 12,000-й корпусъ который, въ непродолжительное время, по своей дисциплинѣ, устройству и обученію, сдѣлался опаснымъ для своихъ же собственныхъ повелителей. Въ 1284 году, они взбунтовались, убили Туранъ-Шаха, послѣдняго государя изъ династіи Аюбидовъ, и вмѣсто его возвели на престолъ своего же начальника Ибека, который, подъ именемъ Изъ-Эд-Дина, сдѣлался основателемъ первой самостоятельной династіи мамелюковъ, прозванной «бахри», или морскою. Она существовала до 1382 года и была ниспровергнута Девлетъ-Эль-Мюлькомъ Борджи, основателемъ второй династіи, прозванной «Черкасе», или черкесскою. Самостоятельное владычество ихъ продолжалось до 1517 года, или знаменитаго сраженія при Геліоподѣ, когда Селимъ I, разбивъ ихъ, взялъ Капръ и предалъ позорной смерти послѣдняго представителя ихъ, Туманъ-Бея. Хотя султанъ Селимъ I и не уничтожилъ совершенно мамелюковъ, но они продолжали свое существованіе не въ видѣ отдѣльнаго сословія, а въ качествѣ уже военной аристократіи. Властительныя

Турками. Принадлежа, по происхожденію, къ различнымъ странамъ и націямъ, они преимущественно являлись изъ Фессаліи, Македоніи и странъ, наиболѣе отдаленныхъ отъ Европейской Турціи, которыя, въ настоящее время, называются: Босніею, Сербіею, Албаніею и т. д. Еслибъ эти храбрые мамелюки были поддержаны даже посредственною пѣхотою, то кровопролитное дѣло подъ Пирамидами не было бы для нихъ поражениемъ, а для Французовъ—побѣдою. Схватываясь одинъ на одинъ, Французы рѣшительно не могли одолѣть этихъ воиновъ, искусныхъ въ управленіи лошадьми и во владѣніи оружіемъ.

Когда Австрійцы и Русскіе, вслѣдствіе своихъ войнъ съ Турками, вынуждены были улучшить свою кавалерію, то Пруссаки также начали трудиться съ этою же цѣлюю.

Вездѣ, гдѣ только была война или предвидѣлась возможность ея, тамъ чувствовали и сознавали, что кавалерія играетъ весьма важную роль и что въ этомъ родѣ войска необходимо произвести многія реформы. Несмотря на это, всѣ только и думали объ улучшеніяхъ пѣхоты и артиллеріи; кавалерія же должна была оставаться въ прежнемъ своемъ положеніи.

Фридрихъ-Вильгельмъ, штатгальтеръ и Леопольдъ Дессаусскій преобразовали прусскую армію и положили основаніе той дисциплины, которая при Фридрихѣ Великомъ сдѣлалась столь блестящею, что заслужила подражаніе почти всѣхъ государствъ Европы.

Фридрихъ - Вильгельмъ хотѣлъ имѣть у себя солдатъ высокаго роста, и его рекруты, гдѣ бы ни являлись, дѣйствительно, были выше всѣхъ ростомъ.

Его кавалерія хотя и была обучена производству линейнаго огня пѣшкомъ и на лошади, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничего не было предпринято съ цѣлью сдѣлать ее грозною въ бою: она производила свои атаки шагомъ или рысью.

но неудачныя атаки, въ 1798 году, подъ Пирамидами истребили эту знаменитую кавалерію, и жалкіе остатки этого корпуса, имѣвшаго нѣкогда огромную власть и значеніе въ Египтѣ, перебрался сначала въ Верхній Египетъ, а потомъ, въ 1811 году, когда знаменитый Махмедъ-Али, зазавъ въ Каиръ всѣхъ мамелюкскихъ беевъ, предательски умертвилъ ихъ въ этой цитадели, они бѣжали въ Донголу; но и тамъ преслѣдовали ихъ войска Махмеда. Кто бы могъ думать, что это воинственное сословіе, прославившее свое имя многими славными подвигами и въ продолженіе 260 лѣтъ управлявшее судьбами Египта, могло такъ печально окончить свое существованіе! Геліополь и кровопролитная борьба подъ Пирамидами останутся навсегда памятными въ лѣтописяхъ военной исторіи. *Ред.*

Въ такомъ положеніи нашель свою кавалерію Фридрихъ Великій, при восшествіи на престоль. Люди и лошади хотя и были колоссальнаго роста, но они не осмѣливались двигаться по дурнымъ мостовымъ или ходить по пересѣченной мѣстности другимъ аллюромъ, кромѣ шага.

Въ первомъ сраженіи противъ Австрійцевъ, кавалерія послѣднихъ, успѣвшая уже пріобрѣсть нѣкоторую опытность въ войнѣ съ Турками, атаковала Пруссаковъ, наподобіе мусульманъ, съ обнаженными саблями въ галопъ, и обратила ихъ въ бѣгство. Фридрихъ Великій, видя, что, въ сраженіи при Мольвицѣ, дѣла приняли весьма дурной для него оборотъ, по совѣту своего фельд-маршала, пустился преслѣдовать бѣглецовъ и только на слѣдующее утро присоединился къ своимъ войскамъ, узнавши при этомъ, что пѣхота дѣйствовала хорошо и, несмотря на бѣгство своей кавалеріи, одержала побѣду.

Когда кампанія окончилась завоеваніемъ Силезіи, Фридрихъ занялся преобразованіемъ своей кавалеріи. Онъ началъ съ улучшенія линейнаго огня и обратилъ все свое вниманіе на образованіе людей, искусныхъ въ верховой ѣздѣ. Зейдлицъ принялъ для своихъ гусаръ двухъ-шереножный строй, и вскорѣ всѣ послѣдовали его примѣру. Кавалеристовъ обучали тому, что маршалъ де-Саксъ считалъ необходимымъ, а именно: проходить, съ наибольшею быстротою и безъ потери равненія, пространство въ 2,000 метровъ. Многіе изъ старыхъ прусскихъ генераловъ сильно возставали противъ этихъ нововведеній, но король принуждалъ ихъ къ этому, потому что сознавалъ всѣ выгоды стремительной атаки. Такимъ образомъ, конныя войска Фридриха, постоянно разбиваемыя въ началѣ Семилѣтней войны, были поставлены имъ въ такое положеніе, что никакая кавалерія, ни даже самая лучшая пѣхота не могли ей противиться. Предводительствуемая Зейдлицемъ и Цитеномъ, прусская кавалерія удивила свѣтъ своими блистательными подвигами. Доказательствомъ этому могутъ служить сраженія: при Стригау, Кессельдорфѣ, Россбахѣ, Лейтенѣ и Цорндорфѣ. Это послѣднее сраженіе было самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ для прусской кавалеріи, которая, въ составѣ 36 эскадроновъ и подъ начальствомъ Зейдлица, не только измѣнила участь сраженія, но, остановивъ и обративъ даже въ бѣгство храбро наступавшую русскую кавалерію, она спасла этимъ пѣхоту и артиллерію своей собственной арміи. Потомъ она снова

прилож.

1/3

кинулась въ атаку на русскую пѣхоту, которая, будучи хорошо подготовлена для встрѣчи Пруссакъ, сражалась съ такою отчаянною храбростію, что, окруженная со всѣхъ сторонъ, она быстро перестраивалась въ густыя массы, которыя необходимо было атаковать по нѣскольку разъ съ ряду. Ни въ одномъ изъ новѣйшихъ сраженій не погибло такъ много людей подъ ударами сабель, какъ при Цорндорфѣ, несмотря на то, что Пруссаки были на лошадяхъ въ продолженіе 12 часовъ до начала атаки.

Никогда еще конница не совершала такихъ славныхъ подвиговъ, какъ прусская кавалерія этого времени. Оружіемъ ея была сабля. Увѣренность ея заключалась въ личной храбрости и въ искусствѣ каждаго всадника. Тактика ея состояла въ быстротѣ и рѣшительности. Этимъ только и можно объяснить ничтожность ея потерь въ убитыхъ и раненыхъ.

Зейдлицъ пріучалъ своихъ гусаръ скакать во весь карьеръ и употреблять при этомъ аллюрѣ на ровномъ мѣстѣ какъ холодное, такъ и огнестрѣльное оружіе. Онъ придумывалъ разнаго рода средства, чтобы сдѣлать своихъ кавалеристовъ искусными во всѣхъ этихъ упражненіяхъ.

Про него рассказываютъ слѣдующій анекдотъ:

Однажды король, инспектируя его полкъ, высказалъ сожалѣніе о большомъ числѣ несчастныхъ случаевъ, происшедшихъ на этихъ ученьяхъ, въ самое непродолжительное время. Зейдлицъ весьма хладнокровно отвѣчалъ ему: «Если ваше величество будете такъ сѣтовать изъ-за нѣсколькихъ сломанныхъ шей, то никогда не будете имѣть у себя храбрыхъ солдатъ, необходимыхъ вамъ для войны».

Одною изъ забавъ этого смѣлаго наѣздника было проскакивать въ карьеръ между движущимися крыльями вѣтренной мельницы; даже и впослѣдствіи, сдѣлавшись генераломъ, онъ все еще не отказывался отъ подобнаго препровожденія времени.

Древніе Греки, убѣжденные въ томъ, что ни люди, ни лошади не въ состояніи преодолевать затрудненій, если только не будутъ часто пріучаемы къ этому, придерживались тѣмъ же правиламъ, какъ и Зейдлицъ. «Если вы хотите имѣть хорошую строевую лошадь—говоритъ Ксенофонтъ—то вы должны испытывать ее при различныхъ обстоятельствахъ, какія она только можетъ встрѣтить, такъ, напримѣръ: перепрыгивать рвы, карабкаться на покатоности, подниматься и спускаться по крутымъ воз-

вышностями и носиться во весь карьеръ по неровной мѣстности, по покатосямъ и дурнымъ дорогамъ. Большая часть лошадей не соотвѣтствуютъ ожиданіямъ не вслѣдствіи ихъ недостатковъ, а потому, что онѣ не имѣютъ должнаго навыка. Если онѣ хорошаго сложенія, то для того, чтобы не были порочны, методическою дрессировкою слѣдуетъ приучать ихъ ко всему.»

Въ сраженіи, Фридрихъ Великій, обыкновенно, раздѣлялъ свою кавалерію на корпуса—въ 20, 30 и 40 эскадроновъ, и, не дозволя ей сходить съ мѣста, заставлялъ выжидать удобнаго момента, для исполненія своей обязанности. Онъ держалъ въ рукахъ и скипетръ и саблю. Движеніями своихъ войскъ онъ располагалъ съ рѣдкою отвагою и искусствомъ, никогда не упуская при этомъ возможности дать почувствовать тяжесть своего меча, а потому Пруссаки, воодушевляемые своимъ королемъ, полные вѣры въ своихъ начальниковъ, брали въ шенкеля и отважно неслись на встрѣчу побѣды.

Фридрихъ всегда любилъ говорить: что трое въ тылу у непріятеля болѣе полезны, чѣмъ 50 человекъ передъ его фронтомъ; а потому его генералы всегда старались атаковать непріятеля съ тыла, фронта и во флангъ. Что касается до атаки съ фронта и во флангъ, то они всегда успѣвали въ этомъ. Должно думать, что, при атакахъ съ фронта, они, обыкновенно, выжидали того момента, когда совокупное, или отдѣльное употребленіе пѣхоты и артиллеріи разстраивало непріятеля, и тогда они кидались на него. Во второмъ случаѣ, они быстро обходили непріятельскіе фланги и атакывали ихъ. Изъ двадцати-двухъ великихъ сраженій, данныхъ Фридрихомъ и его генералами, пятнадцать были выиграны подобнымъ образомъ употребленною кавалеріею.

Во время боя, Фридрихъ никогда не давалъ своей кавалеріи приказаній, а довольствовался тѣмъ, что означалъ направленія, по которымъ она должна двигаться, и пунктъ, на которомъ она должна дѣйствовать; настоящій же моментъ для атаки предоставлялся на благоусмотрѣніе генераловъ, которые должны были ее исполнить. Эти послѣдніе, обезпечивши свои фланги и устроивши свой резервъ, кидались, обыкновенно, на непріятеля и тѣснили его до тѣхъ поръ, пока онъ не оставлялъ поля сраженія.

Бернгорстъ (въ своихъ замѣчаніяхъ о военномъ искусствѣ) такимъ образомъ описываетъ ходъ россбахскаго сраженія:

«Генералы обѣдали вмѣстѣ съ королемъ; но вдругъ, при крикахъ: «Французы!» они вскочили на лошадей и, какъ бы по вдохновенію, приказали взяться за оружіе, построить колонны и занять пространство влѣво отъ своего лагеря. Они были бы разбиты, еслибъ, на мѣстѣ расположенія своего лагеря, выжидали хорошо направленной атаки непріятеля; но, безъ всякаго намѣренія вовлечь въ обманъ своего противника и скорѣе даже по причинѣ недостатка во времени для уборки своихъ палатокъ, они оставили ихъ въ тылу у себя, и это совершенно случайное обстоятельство обмануло Французовъ лучше, нежели самый замысловатый маневръ.»

«Правая сторона Пруссаковъ осталась неодолимою; противоположное же крыло ихъ, зайдя въ колоннахъ лѣвымъ плечемъ и скрывшись за мѣстными препятствіями, атаковало непріятельскій флангъ въ тотъ самый моментъ, когда Французы сами думали окружить непріятеля. Французы смѣшались. Ревель (изъ фамиліи Брогли), распорядившійся атакою, палъ смертельно раненый, въ первой же схваткѣ, и оставилъ свои колонны и свой смятый флангъ въ такомъ положеніи, что не знали, какъ распорядиться послѣ него.»

«Прусская армія, хотя и слабая числомъ, была, однакожъ, полна той отваги, которая, обыкновенно, предвѣщаетъ побѣду; она презирала Французовъ. Направляясь противъ ихъ тыла и фланговъ, она на все это смотрѣла, какъ на пріятную для себя забаву, и радовалась, при мысли застать своего противника врасплохъ, какъ это, дѣйствительно, и случилось.»

«Геній прусской кавалеріи спустился съ высотъ Рейхертсвербена и повелъ ее къ побѣдѣ» (*).

«Когда эта кавалерія, построенная въ боевой порядокъ, готова была, по первому сигналу, подобно стремительному потоку, ринуться впередъ и все истребить въ своемъ гибельномъ стремленіи, то, въ этотъ моментъ, она была идеаломъ совершенства, и Зейдлицъ, въ этотъ достопамятный день, дѣйствительно, достигнулъ этого идеала: Субизъ и Гильдбургсгаузенъ были прогнаны, какъ пыль.»

Указывая на высокіе подвиги прусской кавалеріи этой эпохи, нужно разсмотрѣть, чѣмъ была, въ то время, пѣхота.

(*) Здѣсь, безъ сомнѣнія, говорится о Зейдлицѣ, который, въ это время, былъ начальникомъ всей прусской кавалеріи. *Прим. Бонно-дю-Мартрей.*

Она искала открытыхъ равнинъ, наступала длинными линиями и избѣгала всевозможныхъ препятствій, могущихъ разстроить ея боевой порядокъ. Огонь ея хотя и былъ часть, но не дѣйствителенъ, а каре ея рѣдко выдерживали натиски кавалеріи. Въ эту эпоху, каждый легко могъ, въ данный моментъ боя, однимъ взглядомъ окинуть положеніе дѣлъ и сообразно обстоятельствамъ вовремя, двинуть свою кавалерію. Но съ усовершенствованіемъ огнестрѣльнаго оружія, когда растянутость армій и громадныя размѣры пространствъ, на которыхъ давались сраженія, не позволяли уже обнять ихъ однимъ взглядомъ, тогда какъ кавалерійскому генералу гораздо труднѣе было достигнуть тѣхъ же результатовъ, какихъ достигали Зейдлицъ и Цитенъ.

Въ настоящее время, выгоды, представляемыя кавалерією, должны обуславливать выгоды всѣхъ трехъ родовъ войска, потому что только искусное соединеніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ позволить совершить блистательныя подвиги.

Съ окончаніемъ Семилѣтней войны, кавалерія утратила свою прежнюю репутацію и лишилась своего прежняго значенія рѣшать участь сраженій. Впрочемъ, во многихъ сраженіяхъ настоящаго столѣтія, какъ, напримѣръ: при Авенъ-ле-Секъ, Вилльеръ-ен-Кушъ, Като-Камбрезигъ, Эмсдорфъ, Усагръ, Саламанкъ, Гарси-Гернандецъ и Ватерлоо, она отличилась самымъ блистательнымъ образомъ со стороны Англичанъ и Германцевъ, а также и во многихъ битвахъ со стороны Французовъ. Все-таки она не могла равняться съ кавалерією временъ Фридриха Великаго, которая, выжидая, обыкновенно, въ резервномъ порядкѣ, удобнаго момента для своихъ дѣйствій, подобно урагану, истребляла все въ своемъ неодолимомъ стремленіи. Слова: «charge à fond», такъ же хороши были въ сердцѣ, какъ и на губахъ каждаго.

Въ началѣ великихъ войнъ французской революціи (1792 г.), кавалерія нашихъ сосѣдей не отличалась ни достоинствомъ, ни числительностію. И, дѣйствительно, какъ нація, Французы никогда не были истинными кавалеристами. Они, вообще, дурно ѣздятъ верхомъ; а, между тѣмъ, верховая ѣзда есть одно изъ главныхъ условій для образованія хорошаго кавалериста. Мы не думаемъ приписывать этотъ недостатокъ тому обстоятельству, что, во Франціи, почти вездѣ почва воздѣлывается не лошадьми, а волами. Мы придерживаемся другой, болѣе уважительной причины, высказанной генераломъ Фуа: нетерпѣніе Французовъ,

или то, что этотъ генераль называетъ «vivacité inquiète», мѣшаетъ имъ заняться своими лошадьми и выучиться какъ слѣдуетъ ѣздить верхомъ. Кромѣ того, они имѣютъ наследственное предубѣжденіе въ пользу длинныхъ стремянъ и къ держанію себя на балансѣ, которое никогда не позволитъ имъ, безъ особенныхъ несчастій, галопировать по пересѣченной мѣстности (*).

Въ первыхъ своихъ кампаніяхъ, Французы никакъ не могли удачно дѣйствовать противъ: тяжелой кавалеріи Германцевъ, венгерскихъ гусаръ и даже швейцарскихъ драгунъ. На мѣстахъ ровныхъ они весьма рѣдко употребляли много кавалеріи; а если это случалось, то, обыкновенно, безъ выгодныхъ для нихъ результатовъ. Лошади ихъ были худы, малорослы и дурной породы. По мѣрѣ завоеваній и расширенія своихъ предѣловъ, они, конечно, могли имѣть хорошихъ лошадей; но лошадь безъ кавалериста ничего не значить, и кавалерійскаго солдата нельзя такъ же скоро образовать, какъ пѣхотинца. Передъ воцареніемъ Бонапарта, на каждую армію полагался корпусъ тяжелой кавалеріи; затѣмъ остальная часть кавалеріи присоединялась къ пѣхотнымъ дивизіямъ и предназначалась къ дѣйствію вмѣстѣ съ артиллеріею. Наполеонъ всегда старался придать своей кавалеріи такое же важное значеніе въ битвахъ, какое она имѣла при Фридрихѣ Великомъ; но какъ онъ организовалъ ее иначе, то поэтому и результаты вышли неодинаковые. Наполеоновскіе кавалеристы дурно сидѣли въ сѣдлахъ, были тяжело обмундированы и оказывались неспособными къ быстрымъ движеніямъ. Онъ соединялъ ихъ въ большія массы, которымъ давалъ особенное названіе — армейскаго кавалерійскаго корпуса (*corps d'armée de cavalerie*) (**).

Въ каждомъ полку этого корпуса, полагалась артиллерія, и для атакъ употреблялись глубокія колонны. Такимъ образомъ,

(*) Здѣсь авторъ возвращается къ тѣмъ упрекамъ, которые, обыкновенно, приписываютъ Французамъ относительно ихъ способа верховой ѣзды; а, между тѣмъ, многіе англійскіе офицеры находятъ нашу строевую ѣзду гораздо лучше своей.

(**) Названіе «кавалерійскій корпусъ», быть можетъ, въ эту эпоху, казалось страннымъ для Англичанъ, имѣвшихъ слабую армію. Еще не рѣшено, былъ ли несправедливъ Наполеонъ, соединяя огромныя массы своей кавалеріи подъ однимъ и тѣмъ же начальствомъ, какъ это дѣлалъ и Фридрихъ, на котораго такъ недавно указывалъ самъ авторъ, какъ на перваго возымѣвшаго мысль раздѣлять свою кавалерію на корпуса въ двадцать, тридцать и сорокъ эскадроновъ.

Прим. Бонно-дю-Мартрей.

кавалерія подчинялась артиллеріи, а потому въ своихъ движеніяхъ часто затруднялась и опаздывала. Она постоянно давала знать о себѣ своими же орудіями, вслѣдствіе чего непріятель рѣдко подвергался опасностямъ нечаяннаго нападенія (исключая сраженія при Маренго) и всегда успѣвалъ приготовиться къ защитѣ, что и было причиною многихъ бѣдствій для Французовъ. Однако, Наполеонъ держалъ у себя значительное количество кирасиръ, которые хотя и были медленны въ своихъ движеніяхъ, но за то не боялись смерти, и имъ-то онъ обязанъ многими своими успѣхами. Съ другой стороны, сомнительно, чтобы Наполеонъ имѣлъ у себя только одного кавалерійскаго генерала, котораго бы самъ Фридрихъ назвалъ хорошимъ генераломъ, признавая даже и въ Мюратѣ тѣ способности, которыми онъ былъ одаренъ (*).

Кавалерійскіе генералы временъ Наполеона не всегда отличались способностію вовремя начинать бой и весьма часто слишкомъ рано принимали участіе въ немъ. Точно также и въ тѣхъ случаяхъ, когда кавалерійскій резервъ могъ рѣшить участь дѣла, никто не являлся съ цѣлью нанести рѣшительный ударъ и одержать побѣду.

Они пренебрегали обезпечиваніемъ своихъ фланговъ и, въ случаѣ пораженія, не имѣли готоваго резерва. 16 октября 1813 года, въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, дивизіи Латуръ-Мобура и Келлермана, въ числѣ 5,000 лошадей, подъ личнымъ начальствомъ самого Мюрата, атаквали центръ союзной арміи, наступавшей черезъ Вохау на Госсу, и, отбросивъ легкую кавалерійскую дивизію русской гвардіи, завладѣли 30-ю орудіями; но 4 сотни храбрыхъ гвардейскихъ казаковъ кинулись на ихъ флангъ, отняли захваченныя орудія и, произведя безпорядокъ въ рядахъ Французовъ, рѣшили дѣло въ пользу союзниковъ. Казаки эти подошли къ непріятельскому флангу по тропинкѣ, дозволявшей проходить не болѣе, какъ одному человѣку.

Та же самая ошибка, только съ болѣе важными послѣд-

(*) Авторъ, безъ сомнѣнія, ошибается. То, что онъ рассказываетъ о колоннахъ къ атакѣ и о полковой артиллеріи, существовало только для пѣхоты; наполеоновская же кавалерія, въ Германіи, Польшѣ и Испаніи скорѣе производила линейныя атаки, чѣмъ атаки въ колоннахъ, и часто корпусами, совершенно отдѣленными отъ другихъ родовъ войска. Французамъ положительно невозможно сознаться въ томъ, чтобы Келлерманъ, Ласаль, Монтбрюнъ, Мюратъ и т. д. уступали Зейдлицу, Цитену и другимъ.

Прим. Бонно-дю-Мартрей.

ствіями для Французовъ, повторилась, въ 1814 году, и при Ла-Ротьерѣ.

Дивизіи Кольберта, Гюйо и Пирее, атаковавъ и разбивъ русскихъ гусаръ подъ начальствомъ генерала Ланскаго, хотѣли уже броситься и на пѣхоту; но генераль Васильчиковъ, съ дивизією драгунъ Панчулидзева, атаковалъ Французовъ съ фронта и фланга и, обративъ ихъ въ бѣгство, преслѣдовалъ непріятеля вплоть до Бриенна, завладѣвъ при этомъ двадцать-однимъ орудіемъ наполеоновской гвардіи. Хотя, при всемъ этомъ, Французы имѣли много еще кавалеріи, которая могла бы прикрыть ихъ фланги, но она появилась только послѣ дѣла, участь котораго была рѣшена въ пользу союзниковъ.

Подобные же примѣры мы находимъ и въ исторіи англійской кавалеріи.

Блистательныя и смѣло исполняемыя атаки весьма часто оканчивались совершеннымъ пораженіемъ и страшными потерями единственно по неосмотрительности начальниковъ, не имѣвшихъ подъ рукою резервовъ, которые могли бы ихъ прикрыть или даже задержать противника, наступающаго съ свѣжими силами.

Въ войнѣ 1812 года, на Пиренейскомъ полуостровѣ, два полка англійской кавалеріи, подъ начальствомъ генерала Сладе, атаковавъ и разбивъ при Герѣ два полка французскихъ драгунъ, преслѣдовали ихъ потомъ на протяженіи 8 миль; но генераль Лаллеманъ кинулся на нихъ съ своими резервами и разбилъ ихъ на голову.

При Ватерлоо, соединенная бригада генерала Понсомби сильно пострадала отъ той же причины. Опрокинувъ на своемъ пути все встрѣчавшееся ей, захвативъ непріятельскую позицію и изрубивъ ихъ артиллерійскую прислугу, она была неожиданно атакована французскими резервами и отброшена съ большими потерями.

3-й драгунскій полкъ атаковалъ Сейковъ у селенія Мудки и добрался уже до непріятельскаго тыла, но не только не былъ поддержанъ въ этомъ дѣлѣ, но наша артиллерія стрѣляла даже по немъ и причинила ему нѣкоторый вредъ. Вечеромъ, этотъ храбрый полкъ возвратился въ свой лагерь, потерявъ около двухъ-третей своихъ солдатъ, и, почти ничего не сдѣлавъ, подалъ только примѣръ спасительнаго бѣгства англійскимъ драгунамъ.